

Содержание

1. Алёна	5
2. Роман	15
3. Роман	22
4. Роман	29
5. Алёна	40
6. Роман	48
7. Алёна	57
8. Алёна	68
9. Алёна	75
10. Ян Абрамов	81
11. Ян	90
12. Роман	98
13. Алёна	109
14. Алёна	116
15. Роман	122
16. Алёна	131
17. Роман	142
18. Алёна	151
19. Алёна	158

20. Саша Харитоновна	166
21. Саша	175
22. Саша	183
23. Алёна	191
24. Алёна	201
25. Алёна	208
26. Алёна	218
27. Алёна	229
28. Роман	239
29. Алёна	247
30. Роман	257
31. Алёна	266
32. Алёна	276
33. Алёна	282
34. Роман	291
Алёна	297

Истор

Алёна	304
Роман	311

<i>Благодарности</i>	317
--------------------------------	-----

Алена

Страх. К этому мерзкому чувству невозможно привыкнуть. Оно почти всегда приходит внезапно, сжимает невидимыми пальцами горло и крадёт дыхание. Вот и сейчас, дверь за моей спиной закрывается, тьма поглощает, а голос, что раздаётся у самого уха заставляет вздрогнуть от неожиданности.

Прямо в лицо по команде бьёт луч света. Я, щурясь, пытаюсь попятиться назад.

— Куда собралась? — звучит насмешливо.

— Отпусти! Ай! — Дёргаюсь, но теперь страдают мои волосы, которыми так долго и тщательно занималась Сонечка.

— Не рыпайся, дрянь, — предупреждает тот, кто решил устроить мне это вечернее randevu.

— Так и так целой-невредимой не останется, — гогочет Сивова. Только она умеет делать это так мерзко.

— Это точно. На пол села, — раздаётся холодный приказ. — Дёрнешься — порежу. Чувствуешь лезвие? Это нож, чтобы ты понимала. Мой любимый.

Я сглатываю комок, вставший в горле. В висках пульсирует кровь, тело немеет.

— Села, я сказала! — ледяной тон. — Иначе пожалеешь.

И вот я уже в прямом смысле слова ощущаю, что она не шутит. Остриё ножа упирается прямо в шею.

Приходится подчиниться, пока мысли лихорадочно бьются друг о друга.

— Марин, рот...

Сивова, словно покорный пёс, кладёт фонарик на пол и вынимает из кармана скотч.

— Это, чтобы ты не орала, — поясняет заботливо и тянет ко мне свои ручищи, которыми днями напролёт толкает ядро. — Вы-ы-ырядилась, ущербная, ты посмотри, Ник. И достала же где-то! Небось долго пришлось стоять у дороги. Зарабатывать.

Марина брезгливо морщит нос, окидывая меня пренебрежительным взглядом.

— Пошла ты, — отвечаю я ей. От той мерзости, что она озвучивает, меня тошнит.

— Заклеивай уже. Говорю здесь только я, — торопит свою подругу Грановская.

— А как же лыжи? Неужто ради меня осталась? — успеваю всё-таки спросить я до того, как моих губ касается противная клейкая лента.

Зато не успеваю закричать, к сожалению. Хотя, кто же меня услышит? Вероятность того, что кто-нибудь сейчас прогуливается в этих «подземельях» — точно равна нулю.

— Не переживай. Это ты в своей занюханной пятиэтажке будешь мечтать об оливье. А меня за воротами ждёт водитель. Чтобы я успела на самолёт во Внуково. Я свой Новый год буду встречать в Кран-Монтане. Прости, думаю, тебе ни о чём это название не говорит.

Пока она разглагольствует о швейцарском курорте, я, сидя на бетонном полу, размышляю на тему того, как отсюда выбраться. Не привлекая внимания, осматриваюсь по сторонам. Подмечаю детали. Старая плитка сложена пирамидками. Обшарпанные стены, всюду строительный мусор и разбросанные инструменты. Они-то как раз меня интересуют. Неподаляку, очень кстати, замечаю молоток.

— Но ты права, времени в обрез. Так что... сразу к делу. Марин, помнишь, да? Там, где не видно.

— Ага, — воодушевлённо кивает та, и я сразу понимаю, что она собирается сделать.

Понимать-то понимаю, но среагировать и сгруппироваться не успеваю.

Ногой в живот — это очень по-женски, конечно...

— Ммм, — острая боль в желудке заставляет скрючиться и согнуться пополам.

— Я, Лисицына, не люблю, когда кто-то тянет руки к тому, что принадлежит МНЕ, — шипит Грановская. Словно змея. — Марин...

Не успеваю я отойти от первого удара, как Сивова добавляет мне новую порцию боли. Безжалостно. Жестоко. Преданно исполняя приказ своей подруги.

Задыхаюсь. Давлюсь беззвучным кашлем. В этот раз получается отползти в сторону. Ближе к молотку. Снова скручиваюсь, чтобы перетерпеть. Хотя бы немножко...

— Мне тебя жаль, знаешь. — Ника приседает рядом.

Я поворачиваю голову вправо и поднимаю на неё глаза. В полутьме, которую рассеивает луч фонарика, лежащего на полу, замечаю, что Вероника одета в бархатный чёрный костюм. Её волосы собраны в хвост. На лице, как всегда, «полный парад». В руках нож-бабочка, который она виртуозно покручивает.

— Рому занесло в этот раз, но ты должна понимать, что тебе с ним ничего не светит. — Она улыбается и качает головой. — Очередной спор. Очередная игрушка. Очередная шлюха. Что поделать — дурные мужские потребности.

— Шваль, нафантазировала уже себе, наверно, с три короба, — поддакивает Сивова.

— Марин, привяжи её к трубе, — равнодушно обращается к ней Вероника.

Нет. Нет. Нет.

Я в панике. Сердце колотится как ненормальное. Привстаю на локтях, пытаюсь уползти.

— Молоток убери. Вон уже настроёмилась. Голову, похоже, решила тебе пробить.

— Сука! — Сивова хватает меня за платье и оттаскивает назад. Мои пальцы, к сожалению, хватают лишь воздух. А я ведь почти дотянулась! — Ну мразь!

— Ммм, — мычу, протестую.

Мы с ней начинаем бороться. Сивова наваливается сверху и принимается душить меня сгибом локтя. Я хриплю, задыхаюсь. Судорожно тяну воздух носом, но это почти не помогает. Марина хватает меня за волосы. Я цепляюсь за её руку, но она не отпускает. Тащит меня по полу в сторону трубы. Чувствую, как рвутся на коленках колготки. Но разве это имеет какое-то значение?

— Боже, Сивова, да в ней килограмм пятьдесят, не больше. Справиться не можешь, что ли? — насмешливо произносит Ника, со стороны наблюдая разворачившееся перед ней шоу.

— Щас, — пыхтя, обещает Марина.

Я начинаю активно лягаться ногами и даже попадаю куда-то каблуком. Потому что в ответ слышу нецензурную брань и писк. Пальцами правой руки стараюсь добраться до её глаз. Царапаюсь. Отбиваюсь, как могу, но она такая тяжёлая, что сбросить её с себя просто не представляется возможным.

— Да что за возня, Марин?!

— Ты бы помогла, — гаркает Сивова, тяжело дыша. — Она мне морду расцарапала, тварь!

Грановская недовольно цокает, но марать руки явно не собирается. Всю грязную работу она оставила подруге. Марина почему-то встаёт, позволяя и мне подняться на ноги. Я с сожалением отмечаю, что платье испачкано в строительной пыли и порвано внизу.

Господи, как же мне возвращать его Элеоноре Андреевне в таком виде?

— Ну всё, мразота! — орёт метательница ядра.

Я поднимаю глаза. Сивова бросается вперёд и со всей дури толкает меня в стену. Я сильно ударяюсь головой и от неожиданности теряю ориентацию в пространстве. Сползаю вниз, тихо охая.

— Довыдолбывалась? — смеётся Марина.

Пока я часто-часто моргаю, она уже что-то делает с моими руками.

Внезапно в пугающей тишине туалета раздаётся странный звук. Жужжание.

— Только дёрнись, шваль, — угрожает Марина, привязывая меня за руки к трубе.

Я поплывшим взглядом наблюдаю за тем, как Вероника вытряхивает мою сумку. На пол валяются телефон, расчёска и другие мелкие предметы. Этот дребезжащий звук — не что иное, как вибрация, сопровождающая входящие звонки, которые не прекращаются ни на секунду.

Сивова замирает в ожидании. Вероника поднимает с пола телефон. Смотрит на экран, и подсветки смартфона достаточно для того, чтобы увидеть, как её красивое лицо всего за секунду преобразуется в дикий, уродливый оскал. Телефон в порыве ярости тут же летит в стену. С грохотом разбивается и перестаёт жужжать.

Я знаю, что это Он. Ищет меня. Ведь я не вернулась...

— Всё, свали, — бросает Ника зло, решительно двигаясь в нашу сторону.

Я дёргаю руками, поднятыми над головой. Привязала стерва...

— Сядь на ноги ей, чтоб не дрыгалась, — недовольно требует Грановская.

Сивова поступает так, как сказали, а я даже думать боюсь о том, что они собираются сделать.

— Можно ей морду разбить, а? — интересуется Марина, глядя на брюнетку. — Прямо бесит меня, уродина.

— Я же сказала: нет, — спокойно отвечает Вероника. — Не сегодня.

Мы с ней смотрим друг другу в глаза.

— Пока ты получишь от меня предупреждение. — Она прищуривается. А дальше делает то, отчего у меня мороз по коже.

Тонкая ткань платья трещит от ножа, которым Грановская очень умело орудует. И в этот самый момент страдает не только платье, страдает моя душа. Потому что это — чужая вещь. Вещь, которая принадлежит Элеоноре Андреевне. Это её память. Память о погибшей дочери...

— Возомнила себя Золушкой? — усмехается Ника и резким движением рвёт платье до середины бедра. — Твоя участь — обноски. Запомни это! И чтобы ты не забывала, кто ты есть, я кое-что оставлю тебе. Метку на будущее. Своего рода клеймо.

В полутьме туалета поблёскивает острие её ножа, поднятого вверх. Я качаю головой, мычу что-то нечленораздельное и предпринимаю очередную попытку освободить от захвата ноги. Но, увы, и она заканчивается провалом, ведь Сивова весит, по меньшей мере, около ста килограммов.

Идеальные губы Вероники Грановской расходятся в улыбке. Злой и как никогда жестокой. Я сейчас отлично понимаю: она действительно не шутит. И то, зачем пришла сюда, сделает однозначно.

— Проверим твою устойчивость к боли, Лисицына? Всё, что с нами случается, делает нас сильнее, — чуть склонив голову, издевательски произносит она.

— Шас, у меня тут ремень. Ноги подвяжу, а то дёргается, — влезает со своим комментарием Сивова.

Ника подкатывает глаза. Брызгает на нож спрей. Похоже, антисептик.

— Быстрее давай. Время...

И вот её глаза лихорадочно блестят. Дурное предчувствие накрывает тревожной волной.

Я думала, что разбивающиеся о тело шарики с пейнтбольной краской — это больно. Я считала, что удары ремнём — ещё больнее, но нет... Адову боль и настоящую муку я ощутила именно сегодня. Это отвратительное чувство расплзающейся кожи я не забуду никогда.

— Ммм, — кричу. Начинаю хрипеть. В ужасе смотрю на неё. Не веря, что этот кошмар происходит наяву.

— Орёшь как резаная, — недовольно комментирует мою реакцию Ника.

Сивова находит её реплику очень смешной.

Это просто ад... Пекло. Преисподняя. Я едва сознание не теряю в какой-то момент.

Хочется выть, но доставлять такое удовольствие своим мучителям я не собираюсь...

Сжимаю зубы до скрежета. Ещё немного и, кажется, они сотрутся в порошок.

Напрягаю тело. Зажмуриваюсь до пляшущих перед глазами белых точек, сглатываю рыдания, но всё равно помимо воли нет-нет, да и скулю. Непроизвольно. Потому что вытерпеть это издевательство молча — непосильная задача.

— Он сделал больно мне, а я — тебе. ТЫ! ТЫ ВИНОВАТА! Ты влезла. НЕНАВИЖУ! — приговаривает она, видимо, не совсем контролируя свою речь. — Хочу, чтобы он видел это. Каждый раз, когда захочет дотронуться до тебя.

А всё, чего хочу я, — чтобы эта пытка, наконец, кончилась...

— Обрабатываем.

— Зараза к заразе не липнет, — фыркает Сивова, нервно посмеиваясь.

— Ну так... кровь остановить. Я ж не чудовище, — пожимает плечами Вероника, равнодушно любуясь своим творением.

— Труссы хоть не намочила? — презрительно интересуется Сивова.

Ника усмехается и распыляет на полыхающую огнём кожу спрей. Меня ломает. Трясёт.

Так щиплет, мамочки! Как же больно... как же горит пострадавшая на бедре кожа!

— Заткнись! По хребту настучать? А? — вопит громче меня Марина.

— Да брось, она и так вела себя тихо.

— Тварь...

— Плачешь всё-таки, — довольно констатирует Грановская, замечая в моих глазах слёзы. — Но держалась прям молодцом! Достоинно! Давай оттрепья снимем, чтоб эпичнее смотрелось.

Я дёргаюсь, не желая, чтобы она снова ко мне прикасалась. Ника хохочет и начинает рвать платье. Ей это приносит какое-то странное, извращённое удовольствие.

— Ник, надо ноги делать, — обеспокоенно прерывает её нездоровое веселье Сивова.

— Да, валим. Иди проверь форточку, а я пару слов скажу нашей Золушке.

Марина кивает. Отпускает мои затёкшие ноги.

— Фонарик забери, у меня телефон есть. — Вероника встаёт и подсвечивает им мою ногу. Довольно улыбается. — Недурно вышло. Думаю, Рома заценит.

Что там — я даже смотреть не хочу. Неприятная пульсация и жжение — свидетельство того, что постаралась она на славу.

— Я надеюсь, ты меня поняла, — чеканит гневно, когда мы остаёмся наедине.

Господи, сколько же в ней ненависти. Сколько злобы...

— Не вздумай даже пытаться свой рот открывать насчёт нашей... «аудиенции». Это бессмысленно. Марина вернулась в зал, весь вечер она была с друзьями и никуда не отходила. Они подтвердят, будь уверена.